

Линькова Ольга Михайловна

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РАБСТВА: ОТ ГЕРАКЛИТА ДО БЕРДЯЕВА

В данной статье анализируются особенности философского осмысления рабства. Автор рассматривает взгляды философов (от античных до мыслителей новейшего времени) на сущность рабства и на причины его возникновения. Особое внимание в статье уделяется обсуждению отношения различных философов к физическому и духовному рабству.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 109-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 326-029:1

В данной статье анализируются особенности философского осмысления рабства. Автор рассматривает взгляды философов (от античных до мыслителей новейшего времени) на сущность рабства и на причины его возникновения. Особое внимание в статье уделяется обсуждению отношения различных философов к физическому и духовному рабству.

Ключевые слова и фразы: рабство; свобода; физическое рабство; духовное рабство; гуманное отношение к человеку.

Ольга Михайловна Линькова

Кафедра философии

Орловский государственный аграрный университет

olga_linkova@mail.ru

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РАБСТВА: ОТ ГЕРАКЛИТА ДО БЕРДЯЕВА®

Рабство и работорговля как социальное явление насчитывают не одно тысячелетие. Распад рабовладельческой общественно-экономической формации не означал упразднения рабства, а предполагал его нелегальное существование как в классическом, так и в модифицированном виде. История знает не так уж много общественных явлений, столь многогранных, противоречивых и вместе с тем таких устойчивых, как рабство.

Во все времена проблема рабства не оставляла равнодушными лучшие умы человечества. Целью написания нашей работы является раскрытие взглядов философов, которые, бесспорно, внесли огромный вклад в осмысление рабства.

На протяжении столетий отношение философов к рабству существенно менялось. Одни философы оправдывали или принимали рабство как должное, другие – порицали. Обратившись к трудам мыслителей, мы видим, что уже начиная с античности философы рассматривали рабство в двух значениях: физическом – как форму принудительного труда и духовном – как определенное состояние души человека.

Сначала охарактеризуем философское осмысление рабства на примере взглядов античных философов. Идеалом свободного человека античного мира был гражданин, все силы свои, все своё время отдающий на служение государству – а это возможно было лишь при наличии класса рабов, доставляющего все необходимое для поддержания его жизни. Такое воззрение вытекало из существования рабства, лежавшего в основании всего экономического строя античного мира, и, в свою очередь, поддерживало его.

Философы в древности не имели ни малейшего сомнения в законности рабства; ни у кого из них не было никакого представления об обществе, где не существовало бы рабства.

Важное замечание делает о рабстве и его природе Гераклит. Прежде всего, он фиксирует источник возникновения рабства – войну, о долговом рабстве у него нет и речи. Рабство внешнеполитическое, а не долговое – норма для Гераклита. Это также косвенным образом свидетельствует о признании Гераклитом социальных изменений в полисе, реформ солоновского типа, отменявших долговое рабство. Интересен в данном случае тот факт, что война признается не только источником рабства, но и источником гражданства. Поэтому у Гераклита война несет одновременно два противоположных явления – рабство в свободу. «Война, – пишет он, – отец всему и всему царь. Одним она предопределила быть богами, другим – людьми. А из тех одним – рабами, другим – свободными» [Цит. по: 6, с. 27].

Сократ приравнивал рабов к животным и, для того чтобы приучить их к повиновению, советовал воздействовать на их желудок, как обычно укрощают зверей, заставляя их голодать.

Не лучшего мнения о рабах был и Платон. Впрочем, следует отметить, что его отношение к рабству было неоднозначным. По мнению Платона, рабство – естественное явление, обусловленное низким полетом мысли, свойственным особому классу людей. Природа, по словам философа, создала одних для того, чтобы они приказывали, а других – чтобы служили и повиновались. Но все же он считал затруднительным судить о рабстве во всех отношениях. Доводы, которые приводят в его пользу, хороши в одном смысле и плохи в другом, ибо они одновременно доказывают, что владеть рабами и хорошо, и опасно. Подробно он размышляет об этом социальном явлении в двух своих произведениях – в «Государстве» и «Законах».

В своей идеологии рабовладения Платон прямо объявляет, что надо обладать наилучшими и наиболее расположенными рабами. С одной стороны, для Платона гуманное отношение к рабам может только украшать свободного человека и делать его действительно справедливым и благородным. «Кто по отношению к нравам и действиям рабов, – пишет он, – окажется незапятнанным ни нечестием, ни несправедливостью, тот был бы самым достойным сеятелем на ниве добродетели. Будет правильным сказать то же самое о господине, о тиране и всяком господстве над более слабым, чем ты сам». В то же время у Платона можно прочесть следующее: «Впрочем, должно правосудно наказывать рабов и не изнеживать их, как людей свободных, увещаниями. Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием. никоим образом и никогда не надо шутить с рабами, ни с женщинами, ни с мужчинами. Многие очень безрассудно любят изнеживать рабов;

этим они только делают более трудной их подчиненную жизнь, да и самим себе затрудняют управление ими... В пределах государства ни раб, ни рабыня никогда не должны вкушать вина» [11, с. 10].

Еще с большей решительностью и определенностью, не предполагающей никаких колебаний и сомнений, высказывался о рабстве Аристотель. По мнению Аристотеля, рабство – естественное состояние, рабы являются таковыми от природы, они рождаются для того, чтобы служить, точно так же, как рождаются люди свободными, чтобы повелевать. Он сознательно противопоставлял свое учение о рабовладении взглядам тех, кто отрицал естественное происхождение и согласный с природой характер рабовладения. «По мнению других, – писал он, – сама идея о власти господина над рабом – идея противоестественная. По их утверждению, лишь установлением обусловливается различие между свободным человеком и рабом, по самой же природе такого различия не существует. Поэтому-то и власть господина над рабом, как обоснованная на насилии, не имеет ничего общего по природе со справедливостью» [1, с. 32].

Для Аристотеля рабство представлялось основным общественным учреждением. Величайший ученый античности утверждал, что большинство людей могут быть обращены в рабство. Иными словами, они не только могут, но и должны быть рабами, тем самым исполняя свое жизненное предназначение.

Как было уже сказано выше, рабство, по мнению Аристотеля, заложено в самой природе человека. Сама природа создала одних людей для того, чтобы повелевать, других – чтобы повиноваться: в человеке тело повинуется душе, в семье – женщина мужчине (в совершенной семье есть два элемента: рабы и свободные), в природе – животное человеку; в обществе раб должен повиноваться господину. Мыслитель считал, что с момента своего рождения одни предназначены для неволи, другие – для того, чтобы править. Он указывал, что природе угодно было даже телосложением отличить свободных людей от рабов. Одних она одарила силой, соответствующей их назначению, других – гордой осанкой и статным ростом, делающим их малопригодными для подобных грубых работ. Очевидно, что одни суть существа, свободные по природе, другие – по природе рабы, коим полезно и справедливо пребывать в рабском подчинении.

Отношение раба к господину он сравнивает с отношением тела к душе. Раб – тело, отделенное от господина (души), как бы для того, чтобы освободить его от печати усталости и скорби, сообщаемых душе телом. Для господина раб «есть живая собственность, первое из орудий». Нельзя, по мнению Аристотеля, обойтись без этих одушевленных орудий. Это было бы возможно лишь в том случае, если бы неодушевленные орудия получили силу двигаться сами собой, что немыслимо без нарушения физических законов.

К противникам рабства можно причислить античных поэтов, воспевавших в своих произведениях героическую эпоху и знавших о превратностях, обращавших в рабство замечательных людей. Они не слишком-то верили в законность рабства, и у них мы встречаем самые красноречивые протесты против него. Например, Софокл говорил, что если тело подчинено, то душа свободна. Эврипид считал, что хотя рабы и носят позорное имя, но душа их более свободна, чем у свободных людей.

Далее обратимся к осмыслению рабства стоической философской школой. Стоики, правда, принимали его как факт, но не смотрели уже на раба просто как на орудие. Стоическая школа не отличает раба от свободного человека. Для неё свобода и рабство – лишь внешние формы жизни, не представляющие важности для мудреца; тот, кто, находясь в рабстве, примиряется с ним, не раб, тот же, кто возмущается этим, заслуживает быть рабом; всякий дурной человек – раб. Все философы этой школы обращались с рабами мягко. Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий развивали новый, более гуманный взгляд на рабство и указывали на необходимость благожелательного отношения к рабам. Стоики запрещали господину гневаться на раба; одинаковое преступление – ударить раба и ударить отца.

Как последователь стоицизма, Сенека не придавал большого значения установившимся социальным различиям и развивал учение о рабстве как о состоянии нравственной несвободы. В человеке, всегда равном и одинаковом, по мнению Сенеки, заключается источник двух сил: душа есть начало свободы, тело – начало порабощения. Действительно, рабом является тот, кто отдает себя во власть тела, кто отдается увлечению страстями. Тягчайшее рабство у Сенеки – это порабощение самому себе. А действительно свободен лишь тот, кто стоит выше увлечений страстями, кто умеет переносить оскорбления и находит всюду довольство, выказывает себя безусловным господином своей воли. То есть Сенека считает, что свободный дух может быть и в господине, и в рабе. Таково было суждение Сенеки о духовном рабстве. Как тонкий наблюдатель, мудрец видел и весь ужас физического рабства, существование которого он всячески порицал и считал противоестественным, несоответствующим природе человека. «Ты сердисься, – пишет он, – когда твой раб осмелится тебе возразить, а потом ты жалуешься на то, что свобода изгнана из республики, тогда как сам ты изгнал её из своего дома» [13, с. 85]. Никто из стоиков так много и с таким одушевлением не говорил о милосердии к рабам, никто так резко не осуждал гладиаторских игр, как Сенека. Он заявлял, что каждый человек должен быть священным для другого и не должен лишаться жизни для игры или забавы. Сенека утверждал, что «вся жизнь наша есть рабство, от которого ни у кого нет мужества освободиться». Свобода же заключается во внутреннем самосознании.

Другой представитель стоической школы – Эпиктет, который по собственному горькому опыту знаком был с тяготами рабства, умышленно закрывал глаза на физическое рабство как на состояние социальной жизни. Он трактовал рабство, прежде всего, как явление нравственного порядка. Но при всей своей нечувствительности к проблеме физического рабства он советовал господам умеренно пользоваться своею властью над рабами. В основе протеста этого философа против рабства лежит не столько признание ненормальности последнего как явления социальной жизни, сколько чувство презрения к рабам. Принимать свободному

человеку услуги раба равносильно тому, по мнению Эпиктета, как если бы здоровый человек позволил ухаживать за собой больному. По мнению Эпиктета, между людьми существуют различия свободного и раба. Но при установлении этих различий вовсе не имеется в виду состояние тела человека, дело касается исключительно его души. Никто не может быть назван рабом, если он сохраняет свободную волю. Никто не может считаться свободным, если не владеет собой. Эпиктет находит положение раба и господина одинаковым. Свободный не мог считать себя господином, так как, по словам философа, человек имеет только двух господ – жизнь и смерть. Он не мог назвать себя свободным еще потому, что был рабом своих чувств, своего честолюбия, своего тяготения к роскоши и т.д. Все эти влияния приводят свободного к иной форме рабства – рабству собственных потребностей. Выводы из учения Эпиктета о рабстве одинаково просты и для господина, и для раба. Раб, желающий стать свободным, не должен заботиться о том, чтобы переменить свое положение, он должен только изменить свои чувства.

Подобно Эпиктету, о свободе и рабстве как о явлениях духовной жизни говорит и Марк Аврелий, трактуя о свободе души, возвышающейся по своей природе над внешним миром и потому недоступной никакому насилию.

Дион Зризостом, в свою очередь, утверждал, что истинно свободен только мудрец, умеющий различать, что хорошо. Отрицая реальность рабства, он все же дает господам некоторые уроки гуманности: «Нужно повелевать с милосердием и снисходить к справедливым желаниям рабов. Если природа не установила наследственного рабства, то ни рождение, ни война не создадут расы рабов без узурпации прав семьи и природы» [Цит. по: 9, с. 251].

Но все же в стоическую эпоху продолжал доминировать взгляд на рабство как на извечное и естественное явление.

Последователи раннего христианства, философы Средневековья в земной жизни мирились с рабством, признавали его как факт и далеки были от отрицания его как института. В преддверии Средневековья блаженный Аврелий Августин утверждал: «Естественный порядок извращен первородным грехом, и вполне справедливо, что иго рабства наложено на грешников... В естественном состоянии, в котором Бог создал человека, нет ни раба, ни грешника: рабство поэтому есть наказание» [Там же, с. 235].

Представители средневековой патристики – Клемент Александрийский, Ориген, Григорий Богослов – считали, что только Бог освобождает человека от рабства и воспитывает для единственно возможного спасения в Божественной вере. Дальше всех в толковании рабства пошел ведущий религиозный философ-схоласт Фома Аквинский. По его мнению, сама природа предназначила некоторых людей к рабству: в подтверждение этого он ссылается на различные подчиненные отношения: на естественное право, человеческий закон, божественный закон и авторитет Аристотеля.

Среди философов Нового времени первым поднял голос против рабства Монтескье. В своем главном труде «О духе законов» при рассмотрении условий, влияющих на развитие общественной жизни, Ш. Монтескье выдвигает на первое место чисто географические факторы (климат, почва, территория). По его мнению, климат и географическая среда определяют «характер ума и страсти сердца», что сказывается на нравах людей, их государственном устройстве, характере искусства. «Есть страны, – писал он, – жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством» [8, с. 71]. Однако Монтескье находил, что сразу освобождать рабов опасно, а надо сперва подготовить людей к принятию свободы.

Другой выдающийся мыслитель этого периода – Ж. Ж. Руссо в своей книге «Об общественном договоре, или Принципы политического права» рассматривал возможность существования в гражданском обществе такого принципа управления, который был бы основан на законах и принятии людей таковыми, какие они есть. Руссо утверждает, что «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они» [12, с. 318]. По мнению мыслителя, пока народ вынужден повиноваться и повинует, он поступает хорошо, но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, – он поступает еще лучше; ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать. Но все же общественное состояние – это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав. Это право, однако, не является естественным; следовательно, оно основывается на соглашениях, сущность которых и пытается выяснить Руссо. Раз ни один человек не имеет естественной власти над себе подобными и поскольку сила не создает никакого права, то выходит, что основой любой законной власти среди людей могут быть только соглашения.

Обращаясь к истории, Руссо соглашается с Аристотелем, что всякий человек, рожденный в рабстве, рождается для рабства; ничто не может быть вернее этого. В оковах рабы теряют все, вплоть до желания от них освободиться, они начинают любить рабство. Но Руссо считает, что Аристотель путает причину со следствием. Так как если существуют рабы по природе, то только потому, что существовали рабы вопреки природе. Сила создала первых рабов, их трусость сделала их навсегда рабами.

Однако с какой бы стороны Руссо ни рассматривал этот вопрос, он приходит к выводу, что право рабовладения недействительно не только потому, что оно незаконно, но также и потому, что оно бессмысленно и ничего не значит. Слова «рабство» и «право» противоречат друг другу; они взаимно исключают друг друга.

Б. Спиноза называет рабством бессилие человека в борьбе со своими страстями: «Тот, кто обуреваем своей прихотью и не может ни видеть, ни сделать ничего, что ему полезно, тот есть раб в высшей степени» [13, с. 329]. Задача Спинозы – освободить человека от рабства аффектов и сделать его свободным. Фактически это означает уподобить его первичной модели свободного бытия – субстанции. Чтобы решить такую задачу, человеку необходимо преодолеть собственное частное существование, стать субстанциальным. Человек без остатка должен преодолеть фактичность своего бытия и в соответствии с этим обрести адекватные идеи. Он должен стать свободным – уподобиться субстанции. В философии Спинозы решение основной нравственной задачи предполагает переход субъекта из одного статуса в другой: из статуса своего индивидуального частного бытия к универсальным определениям.

Спиноза далеко не единственный, кто в своих трудах отражал сущность духовного рабства. Одну из наиболее интересных концепций господства и рабовладения в Новое время разработал Гегель. В своем труде «Феноменология духа» он писал: «Бесконечность, реализующаяся в самосознании, имеет многоаспектную структуру, которая состоит из разных по значению моментов. Оба момента существенны, поскольку они являются как бы двумя противоположными формами сознания. Одна из них независима, ее суть – бытие для себя. Вторая – несамостоятельна, ее суть – жизнь или бытие для другого. Первая – это господин, а вторая – раб» [4, с. 165]. Следуя за Аристотелем, Гегель допускает радикальное различие между рабом и господином. По его мнению, человек может появиться в природе или создать себя как человека из животного, каким он был до этого, лишь тогда, когда смертельная борьба за признание (*Anerkennen*) приведет к установлению отношения между человеком свободным и человеком, который ему подчинен. По Гегелю, радикальное различие между господином и рабом существует лишь вначале, и оно может быть со временем упразднено. Для него господство и рабство не являются некими данными или врожденными характеристиками. Человек не рождается рабом или свободным, но создает себя тем или иным в свободном и произвольном действии. Господин – это тот, кто шел до конца в своей борьбе, с готовностью умереть или добиться признания, тогда как раб руководствовался страхом смерти и добровольно вошел в подчинение господину, не добившись его признания. Но речь здесь идет об одной и той же врожденной животной природе, которая посредством свободного действия борьбы была трансформирована в человеческую «природу» раба или господина: нынешний господин мог бы стать рабом, а раб – господином. И не существовало никакого основания для того, чтобы одно из двух животных (рода *Homo sapiens*) стало господином, а не рабом. У господства и рабства нет никакой причины, они не задаются никакой данностью, они не могут быть сведены к чему-либо или спрогнозированы из прошлого: они есть лишь результат свободного акта (*Tat*). Именно поэтому человек способен «упразднить» свою рабскую «природу» и стать свободным или (свободно) создать себя как свободного человека: даже если человек рожден в рабстве, он может подвергнуть отрицанию свою врожденную рабскую «природу». И вся история, все «движение» человеческой экзистенции в природном мире есть не что иное, как прогрессирующая негация рабства рабом, ряд его успешных «продвижений» к свободе (речь идет о «тотальной» или «синтетической», существующей для себя свободе гражданина универсального и гомогенного государства). Будучи реализацией и «проявлением» негативности, труд всегда является трудом «принудительным». У Гегеля труд впервые «проявляется» в природе в форме рабского труда, который первый господин вменяет в обязанность своему первому рабу (который, впрочем, подчиняется ему по своей воле, так как имеет возможность избежать рабства и труда, выбрав смерть в бою или покончив с собой после поражения). Господин заставляет раба работать для того, чтобы посредством его труда удовлетворить свои собственные потребности, которые как таковые есть потребности «природные» или животные (господин, удовлетворяя их, отличается от животного лишь тем, что для этого он не затрачивает никаких усилий, – необходимые усилия уже приложены рабом; именно за счет этого отличия от животного господин может «наслаждаться жизнью»). Но чтобы удовлетворять потребности господина, рабу приходится подавлять свои собственные (готовить пищу, которую он не будет есть, при этом испытывая голод и т.д.), он должен совершать насилие над своей собственной «природой», отрицать или «упразднить» себя как данность, то есть в качестве животного. Следовательно, будучи актом самоотрицания, труд является актом самосознания: он реализует и проявляет свободу, то есть независимость от данного вообще и от себя как от данного в частности; он создает и проявляет человечность работающего. В труде человек отрицает себя в качестве животного так же, как и в борьбе. Вот почему трудящийся раб способен существенно изменить природный мир, в котором он живет, создавая здесь специфически человеческий мир техники. Он работает в соответствии с «проектом», который не предписывается ему с необходимостью его врожденной «природой»; он реализует через свой труд нечто еще не существующее в нем, и именно поэтому он способен создавать вещи, которые существуют только в мире, произведенном его трудом: ремесленные изделия или произведения искусства, то есть вещи, которых нет в природе. «Искусственные объекты», созданные активным самоотрицанием трудящегося раба, внедряются в природный мир и реально его изменяют. Чтобы иметь возможность удерживаться в реальности этого измененного мира, раб должен изменить самого себя. Но поскольку именно он изменяет данный мир, работая над ним, изменение, которое происходит в нем в качестве ответной реакции, в действительности является его самосозиданием: изменяется он сам, именно он создает себя другим, отличным от себе данного. Поэтому труд может поднять его от рабства к свободе (которая, однако, будет иной, чем праздная свобода господина).

Итак, мы видим, что Гегель рассматривает рабство и господство в качестве категорий сознания, точнее самосознания.

Своеобразный взгляд на рабство был у Фридриха Ницше, который через всю жизнь пронес платоновский афоризм: «Родители должны править детьми, старшие – младшими, благородные – неблагородными» и платоновское оправдание рабства.

Ницше первым в Новейшей истории в работе «Греческое государство» выступил с апологией рабства как необходимого и неустраняемого условия (способа) продуцирования и поддержания на должном уровне «высокой» культуры: «Для того чтобы была широкая, глубокая и плодородная почва для художественного развития, громадное большинство, находящееся в услужении у меньшинства, сверх меры своей индивидуальной потребности, должно быть рабски подчинено жизненной нужде. За их счет, благодаря избытку их работы, тот привилегированный класс освобождается от борьбы за существование, чтобы породить и удовлетворить мир новых потребностей. Вследствие этого мы должны выставить жестоко звучащую истину, что рабство принадлежит к сущности культуры» [10, с. 223].

Разработанное им учение о сверхчеловеке также содержит явный намек на возможность порабощения одних людей другими. По Ницше, сверхчеловек – это своеобразный идеал человека, который может быть реализован лишь при условии, если человечество возвратится к истокам своей истории, когда балом жизни будут править люди высшей расы – «хозяева», люди, представляющие собой совершенство, прежде всего, в биологическом отношении. Находясь «по ту сторону добра и зла», они не будут отягощены ни бытовыми, ни социальными, ни религиозными ограничениями и предрассудками и потому будут абсолютно свободны.

Однако наиболее полную разработку, на наш взгляд, проблема духовного рабства получила в творчестве Николая Бердяева. Сущность рабства у Н. А. Бердяева связана с самой природой личности. Рассматривая личность как категорию «этическую и духовную», имеющую стихийно-бессознательную основу, он говорит о двойственности человека: подсознательное глубинное противопоставлено у него поверхностному «Я». Глубинная сторона, по мнению философа, является истинной, а поверхностное «Я», обращенное к обществу и цивилизации, – лживая сторона человеческой личности. Исходя из данной двойственности, любое проявление отношения личности к обществу и цивилизации уже есть порабощение. Понятие рабства у Бердяева рассматривается широко и всеобъемлюще, затрагивая саму основу существования личности в мире, и рассматривается, прежде всего, как любое сопротивление или отступление от глубинного, истинного «Я».

Автор представляет нам два пути личности. Это – путь выхода в общество с его обязательными формами (выход из субъективности к объективности) и путь из субъективности к транссубъективному. Второй путь – это путь встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием, это путь экзистенциальных общений, единственный, на котором личность реализует себя. Именно этот путь дает личности жизнь в свободе, а путь объективации неизменно порождает рабство. Также Бердяев обращает внимание на эгоцентризм личности, считая, что «эгоцентризм означает двойное рабство человека: рабство у самого себя, у своей затверделой самости, и рабство у мира, превращенного исключительно в объект, извне принуждающий. Эгоцентрик есть раб, отношение ко всему, что «не Я», есть рабье отношение.

Разносторонне представляя личность и ее отношение к рабству и свободе, Н. Бердяев пишет о трех состояниях человека, трех структурах сознания, которые он обозначает как «господин», «раб», «свободный». «Господин» и «раб» не могут существовать друг без друга, они коррелятивны, а «свободный» существует сам по себе. Здесь же он говорит о том, что мир рабства – прежде всего мир «отчужденного от себя духа», а главный источник рабства – экстерниоризация, отчуждение через объективизацию. Философ приводит такой пример: «Бог – господин, человек – раб; общество – господин, человек – раб; семья – господин, человек – раб; природа – господин, человек – раб; объект – господин, человек – субъект – раб» [3, с. 17]. Обратная сторона отношений «господин – раб» не может привести к свободе, так как прекращение рабства не означает возникновения господства, потому что господство – обратная сторона рабства, а свобода есть «свобода не только от господ, но и от рабов». Проявления отношений «господин и раб» рассматриваются в различных сферах такого явления, как тирания. Тирания ревности – это порабощение в любви, большое самолюбие, самая страшная тирания, порабощающая не только другого, но и себя, диктатор – раб своих порабощений.

Далее Бердяев представляет и анализирует «разнообразные» и «утонченные» формы рабства, подстерегающие и прельщающие современного человека. Начальной, первичной формой рабства, по мнению философа, является рабство человека у бытия. В основе этого представления лежит определение бытия как понятия, т.е. чего-то прошедшего через объективированную мысль, на нем лежит печать абстракции, и потому оно, как и всякая объективация, порабощает человека. И здесь основной проблемой является проблема отношения бытия и свободы, бытия и духа. Путь порабощения человека лежит во взгляде на бытие как на «неизменный, вечный, разумный порядок», выражающийся и в порядке социальном, который создается не людьми. Этому порядку люди должны подчиняться, путь освобождения в следующей точке зрения: «основы мировой и социальной жизни, пораженной падшестью, не вечные и не навязанные сверху, они меняются от человеческой активности и творчества», т.е. духа.

Проблема бытия неразрывно связана с проблемой Бога, но тут человека подстерегает иная форма рабства: рабство человека у Бога. Чтобы разобраться с этой формой рабства, нужно сразу провести грань между Богом и человеческой идеей о Боге, «между Богом как существом и Богом как объектом». Именно «объективированный» Бог есть предмет рабского поклонения людей. Бердяев видит здесь парадокс в том, что объективированный Бог есть Бог, отчужденный от человека и над ним господствующий, и вместе с тем Бог, созданный ограниченностью человека и отражающий эту ограниченность. Человек как бы попадает в рабство к собственной экстерниоризации и объективации.

Рассмотренные формы рабства (рабство у бытия, рабство у Бога) могут подвергаться сомнению, но следующая форма рабства, представленная Бердяевым, не вызывает возражений – это рабство человека у природы.

Рабство человека у природы многогранно, выделяются «элементарные формы» этого вида рабства, на которое люди не дают сознательного согласия, например, насилие природной необходимости над человеком, природной необходимости вне человека и внутри его. Стремление вырваться из рабства природы практически всегда приводит человека к новым формам рабства (техническому, социальному и другим).

Наиболее значимой формой рабства является рабство человека у общества, так как человек – это существо, социализированное на протяжении долгих тысячелетий.

Человек находится в рабстве и у цивилизации. Парадокс этого явления заключается в том, что стремление освободиться от одной формы рабства приводит к другой. Цивилизация создана людьми, чтобы освободиться от власти стихийных сил природы, то есть от рабства природы. Она обещает человеку освобождение, даёт орудие освобождения, но она есть также объективация человеческого существования и потому несёт с собой порабощение. Человек делается рабом цивилизации.

Противостоять рабству цивилизации, по мнению Бердяева, может только дух: человеку цивилизации со всеми его недостатками противостоит не природный человек, а духовный человек. «Последней истиной о рабстве» называет философ такую форму рабства как рабство человека у самого себя. В основе его тот же объектный мир, т.е. рабство у собственных экстерниоризаций. Человек находится в рабстве у разного рода идолов, но это идолы, им созданные. Человек всегда является рабом того, что находится как бы вне его, что отчуждено от него, но источник рабства внутренний. Рабство человека заключается не только в том, что внешняя сила порабощает его, но ещё глубже в том, что он соглашается быть рабом, что он по-рабски принимает действия порабощающей его силы.

Освобождение людей от рабства во всех его проявлениях – это от рабства у самого себя. Путь освобождения от рабства – это путь, полный «прельщений» и соблазнов. Н. Бердяев предупреждает о таких «прельщениях», как «прельщение царства», «прельщение войны», «прельщение национализма», «прельщение аристократизма», «прельщение коллективизма», «прельщение эротическое», «прельщение эстетическое», «прельщение истории».

Избавление же от рабства Бердяев видит в духовном освобождении человека, вновь подчеркивая, что свобода трудна, а рабство легче.

Итак, мы видим, что в разные исторические эпохи выдающиеся представители философии обращались к проблеме рабства. Отношение же их к рабству было неоднозначным. Философы либо обосновывали рабство (как Аристотель), либо принимали как факт (Платон, Фома Аквинский), либо критиковали (Сенека, Монтескье), либо стремились к беспристрастному постижению данного явления силами человеческого разума, рассматривая рабство в двух направлениях – физическом и духовном.

Список литературы

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. М., 1997. 511 с.
2. Асмус В. Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2009. 335 с.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ, 2006. 316 с.
4. Гегель Г. В. Феноменология духа. М., 2004. 495 с.
5. Гюйо Ж. М. Стоицизм и христианство: Эпиктет, Марк Аврелий и Паскаль. Изд-е 2-е. М., 2007. 112 с.
6. Ингрэм Дж. К. История рабства от древнейших времен до новых времен. СПб.: Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, 1896. 335 с.
7. Кузнецов В. Г., Кузнецова И. Д. Средневековая философия [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/kuznecov_philosophy/ch04_i.html (дата обращения: 02.03.2011).
8. Монтескье Ш. О духе законов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/76302> (дата обращения: 02.03.2011).
9. Мухин Н. Отношение христианства к рабству в Римской империи. Киев, 1916. 504 с.
10. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Казус Вагнер. Антихрист. Ессе Номо: сборник / пер. с нем. Мн.: ООО «Попурри», 1997. 537 с.
11. Платон. Законы. М., 2004. 338 с.
12. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: КАНОН-Пресс; Кучково поле, 1998. 569 с.
13. Сенека. Философские сочинения [Электронный ресурс]. URL: <http://mirio-biblion.ru/seneca-fil-index.htm> (дата обращения: 11.03.2011).
14. Спиноза. Богословско-политический трактат. Мн.: Литература, 1998.
15. Спиноза. Этика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblion.ru/product/490918/> (дата обращения: 22.03.2011).

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF SLAVERY: FROM HERACLITUS TO BERDYAEV

Ol'ga Mikhailovna Lin'kova
Department of Philosophy
Orel State Agrarian University
olga_linkova@mail.ru

The author analyzes the philosophical understanding features of slavery, considers philosophers' viewpoints (from ancient to contemporary period thinkers) on slavery essence and the reasons of its origination and pays special attention to the discussion of various philosophers' attitudes to physical and spiritual slavery.

Key words and phrases: slavery; freedom; physical slavery; spiritual slavery; humanist attitude to man.